

ДЕФИЦИТ ДОВЕРИЯ КАК ФАКТОР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ

А. В. Глухова

Воронежский государственный университет

TRUST DECLINING AS AN INSTITUTIONAL DEFORMATION FACTOR

A. V. Glukhova

Voronezh State University

Аннотация: рассмотрен феномен доверия как основа устойчивых общественных отношений, основа кооперации и источник действия/развития. Исследованы причины дефицита доверия в современных обществах, отмечено пагубное влияние этого фактора на устойчивость политических институтов. Особое внимание уделяется природе доверия в демократиях и автократиях, а также подъему популистских сил, которые, приходя к власти, методично деформируют демократические институты в целях сохранения своей власти.

Ключевые слова: доверие, социальный капитал, устойчивость институтов, институциональная деформация, правый популизм.

Abstract: the article is devoted to the consideration of the phenomenon of trust as the basis of stable social relations, the basis of co-operation and the source of action/development. The author studies the reasons for the trust deficit in modern societies, noting the detrimental impact of this factor on the stability of political institutions. Special attention is paid to the nature of trust in democracies and autocracies and to the rise of populism, which methodically deform democratic institutions to maintain its power.

Key words: trust, social capital, institutional stability, institutional deformation, right populism.

Тема доверия выдвинулась на передний план в течение трех последних десятилетий и сегодня по праву считается одним из важнейших направлений исследовательского мейнстрима, по крайней мере, в науках об обществе. Интерес к ней проявляют как философы, так и социологи, политологи, юристы, представители других отраслей научного знания. При этом в социальной психологии, экономике и политической науке тема доверия поднималась несколько ранее и не один раз, но значительно большую самостоятельность профильные исследования получили в социологии, вплоть до теоретического и эмпирического разделения социологической рефлексии в отношении доверия. Исследования проводились по разным теоретическим и методологическим направлениям – теории рацио-

нального выбора, культурологии, символического интеракционизма и др., с использованием в эмпирических исследованиях методов зондажа, вопросников и интервью, обработанных количественно. Но со временем все чаще стали применяться качественные методы: включенное наблюдение, изучение отдельных случаев (case study). Таким образом, заслуга социологической науки состоит в том, что именно в ее рамках появились наиболее значительные теоретические работы и эмпирические исследования проблемы доверия.

Доверие как основа длительных общественных отношений

Как подчеркивает П. Штомпка, в начале 1980-х гг. тема доверия воспринимается еще как побочная в фундаментальных работах Н. Лумана и Б. Барбера, давших вскоре начало мощному

интеллектуальному течению¹. В 1990-е гг. круг участников этого течения расширяется: проблематикой доверия занимаются Р. Патнам, Ф. Фукуяма, А. Селигман, П. Штомпка. В 2000-е гг. появляются теоретические монографии и сборники таких авторов, как Э. Гидденс, Ч. Тилли, М. Доган и др.

Несмотря на то, что перечисленные авторы представляли разные школы и различные теоретико-методологические подходы, общепризнанным стало мнение о том, что доверие пронизывает все межличностные отношения и что без определенной дозы его, без ощущения общего смысла невозможно построить длительные общественные отношения. Сама общественная жизнь, считающаяся естественной, также невозможна без доверия. Доверие лежит в основании договорных отношений, обеспечивает их длительность, является невидимым материалом, формирующим саму ткань человеческого существования (рядом и вместе с другими или против других, но никогда – отдельно). «Не всякого рода соприкосновение людей носит социальный характер, но только поведение, по смыслу ориентированное на поведение других», – писал М. Вебер². Сама природа социального действия (в плане межличностных взаимодействий) предполагает ориентацию на действия других людей с учетом ожиданий партнеров, и такие ожидания играют базовую роль именно в отношении доверия.

Вместе с тем путь к достижению доверия в межличностных и общественных отношениях является весьма тернистым. Причиной тому – природа человека, характеризующаяся изначальной потребностью во враждебности и в легкой внушаемости враждебного настроения. Как писал Г. Зиммель, «... среднему человеку гораздо труднее удастся внушить другому такому же доверие и склонность к некоему третьему, прежде ему безразличному, чем недоверие и отвращение»³. Причина, по мнению автора, в том, что предубеждения, транслируемые на образ другого, могут быть внушены любыми, даже совершенно безразличными личностями; «для возникновения же благоприятного предрассудка

нужен уже некто авторитетный или находящийся с нами в душевной близости»⁴.

Кроме того, человеческое существование характеризуется не только соотносительностью социального действия с другими индивидами, но и активной ориентацией на будущее, стремлением «колонизировать будущее» (Ю. Хабермас). В этом плане общественную жизнь, особенно в условиях «общества риска»⁵ следует рассматривать как активное преобразование будущего в современность. По мнению Э. Гидденса, «жить в глобальную эпоху – значит иметь дело с множеством новых ситуаций, связанных с риском»⁶. Следовательно, доверие неразрывно с действием и всегда ориентировано на будущее; в этом плане оно оказывается ключевой категорией для понимания как совместного существования людей в обществе, так и трансформации общественных структур и социальной динамики в целом.

С точки зрения общественного прогресса исключительно значимым представляется роль доверия как основы кооперации и источника действия. Как писал в свое время А. де Токвиль, «народ, в котором отдельная личность теряет возможность самостоятельно вести крупные дела, не приобретая при этом способности вести их сообща, вскоре вернется к варварству»⁷. При этом в случае отсутствия прав или готовности объединяться в политических целях люди подвергали бы великой опасности свою независимость, но все-таки еще долгое время могли бы сохранять свои богатства и знания. Но «если же они не приобрели бы привычки объединяться в повседневной жизни, под угрозой оказалась бы сама цивилизация», – предостерегал А. де Токвиль⁸. Таким образом, прогресс в умении создавать объединения является первоосновой общественной жизни в демократических общественных системах и выступает гарантией прогресса во всех остальных областях. «Для того чтобы люди оставались или становились цивилизованными, необходимо, чтобы их умения объединяться в союзы развивались и

⁴ Там же.

⁵ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. М., 2000.

⁶ Гидденс Э. Ускользающий мир : как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М., 2004. С. 51–52.

⁷ Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с фр. М., 2000. С. 379.

⁸ Там же.

¹ См.: Штомпка П. Доверие – основа общества. М., 2012. С. 19.

² Вебер М. Власть и политика. М., 2017. С. 357.

³ Зиммель Г. Человек как враг // Георг Зиммель. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996. С. 503.

совершенствовалось с той же самой быстротой, с какой среди них устанавливается равенство условий существования»⁹.

А. де Токвиля можно считать одним из первопроходцев исследования тесной взаимосвязи между институциональными структурами социальной и общественной жизни и феноменом доверия. В наше время акцент на связь доверия с устойчивостью институтов первым обозначил классик институциональной экономики Д. Норт. Он трактует институт как комплекс формальных норм, неформальных ограничений и условий их функционирования, при этом в круге последних (т. е. условий функционирования) выделяет такой ненормативный фактор, как убеждения людей. Вместе с тем *ядром убеждений* является именно доверие. «В экономике, например, высокое взаимное доверие участников рынка снижает суммарные транзакционные издержки контроля и тем самым повышает эффективность экономики, – отмечает Г. А. Сатаров. – В политике низкое доверие граждан государственным институтам подталкивает власти наращивать затраты на насилие, “загоняя подданных” в рамки установленных государством законов. В личной жизни людей дефицит взаимного доверия становится источником многочисленных драм, ослабляющих общество и каждого из его членов. Все это – еще одна система аргументов, обосновывающих фундаментальность доверия как основы социальности»¹⁰.

Глубокое постижение феномена доверия как основы социальности нашло свое воплощение в концепте социального капитала, разработанного в рамках компаративных исследований Р. Патнама и Ф. Фукуямы. По мнению последнего, понятие социального капитала проясняет вопрос о причине тесной связи капитализма и демократии. «Здоровая капиталистическая экономика – это экономика, в рамках которой общество располагает количеством социального капитала, достаточным для того, чтобы позволить самоорганизацию бизнеса, корпораций, сетевых структур и т. п. За неимением этой способности к самоорганизации для продвижения ключевых фирм и секторов экономики может вмешаться государство; рынок, однако, практически всег-

да работает более эффективно, когда решение принимает частный сектор»¹¹.

С другой стороны, для успешной работы демократических политических институтов также необходима склонность к самоорганизации, имеющей в качестве своей опоры право, основанное на народном суверенитете. «Но никакая подобного рода система не может быть выстроена в опоре на массу неорганизованных и изолированных друг от друга индивидов, способных формировать собственные взгляды и предпочтения, о которых становится известно только во время выборов. Их слабость и разобщенность не позволили бы их взглядам найти правильное выражение, даже если бы в реальности эти взгляды были разделяемы большинством, и стали бы открытым приглашением к деспотизму и демагогии. В любой осмысленной демократии интересы и стремления различных членов общества должны быть артикулированы и представлены посредством политических партий и других типов организованных политических групп. Но стабильная партийная структура, опять же, может получиться только в том случае, если люди, объединенные общими интересами, способны к сотрудничеству ради общих целей – способность, основанная в конечном счете на социальном капитале»¹².

Дефицит доверия и его причины

В свете сказанного можно согласиться с мнением П. Штомпки о том, что *кризис доверия*, проявляющийся сегодня повсеместно, можно считать главной болезнью современности. Обоснованности тревоги ученого говорят многочисленные доказательства, представленные прежде всего учеными-компаративистами. Так, многолетняя исследовательская программа Р. Патнама показывает, например, постоянный спад доверия к институтам в США – той самой стране, которую еще А. де Токвиль считал образцовой, «оазисом повсеместного взаимного доверия». Французский политический социолог М. Доган представляет обширные эмпирические данные из разных стран и регионов мира, свидетельствующие о том же. Э. Гидденс обращает внимание на то, что снижается уровень потребительского доверия, понимаемого

⁹ Токвиль А. де. Указ. соч. С. 381.

¹⁰ Сатаров Г. А. Доверие как объект политической социологии. Часть 1 // Политические исследования (ПОЛИС). 2016. № 1. С. 124.

¹¹ Фукуяма Ф. Доверие : социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М., 2004. С. 588.

¹² Там же. С. 589.

как уверенность в качестве и надежности товаров, услуг, технического оборудования, всех так называемых «экспертных систем». Ряд примеров можно множить и множить. Но самым печальным является то, что подвергается ломке экзистенциальное (или рутинное) доверие, характеризующееся чувствами уверенности, безопасности, стабильности и постоянства и, напротив, растет беспокойство и страх перед будущим. Так, в декабрьском выпуске журнала *Lancet Planet Health* за 2021 г. появился отчет, в котором впервые была рассмотрена тема *беспокойства по поводу изменения климата в большом международном эмпирическом исследовании*. Результаты были – и остаются – ошеломляющими. Из 10 000 опрошенных молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет 75 % опасались будущего. Тревожные расстройства, депрессия и вялость настолько резко возросли среди молодых людей в США в последние годы, что стала нарицательной формула *кризиса психического здоровья у молодых взрослых* (т. е. растущего числа людей, подверженных риску самоубийства)¹³. Климатическая тревога все настойчивее требует серьезного к себе отношения со стороны политиков разных стран.

В Германии эмпирические исследования рисуют довольно мрачную картину. Согласно исследованию К. Хуррельманна и С. Шнетцера «Молодежь в Германии — исследование тенденций: зима 2022/23 – годы процветания: психика, финансы, отречение», 27 % опрошенных страдают депрессией. Причина неувидительна: наряду с конфликтом на Украине изменение климата стоит на первом месте в списке источников беспокойства. Возможно, что молодежь играет лишь роль показателя, раскрывающего более широкую тенденцию, и нужно говорить о «кризисе будущего» многих устоявшихся демократий, об отсутствии доверия¹⁴. XXI век имеет все шансы называться веком недоверия.

Вместе с тем в разных обществах снижение доверия происходит с разной интенсивностью, и главным посредническим фактором здесь выступают глубоко укоренившиеся исторические традиции, отражающиеся в так называемых культурах доверия (или недоверия, а в предельном случае – цинизма). В странах с вы-

соким уровнем доверия (Норвегии, Швеции, Голландии, Японии, США, Германии) люди действуют, опираясь на принцип «другой достоин доверия до тех пор, пока не окажется, что он является обманщиком» (т. е. действует презумпция порядочности). В странах с низким уровнем доверия (Бразилии, Нигерии, Италии, Франции, Польше) этот принцип понимается наоборот: «каждый является потенциальным преступником, обманщиком, взяточником, агентом, пока он не докажет, что он порядочный человек» (т. е. презумпция вины)¹⁵. Эти культурные установки оказывают прямое влияние на экономическое процветание, который Ф. Фукуяма рассматривает как своего рода «награду» обществам, сумевшим создать и сохранить внутреннюю гармонию. Отсутствие последней выступает главным препятствием для хозяйственного роста и социального прогресса¹⁶.

Серьезная роль социокультурного фактора весьма красноречиво проявилась в ходе недавнего опасного вызова, брошенного человечеству пандемией COVID-19. Представленная отдельными государствами статистика, позволяющая оценить степень успешности либо неуспешности действий в борьбе с коронавирусом, показывает решающую роль трех общественных подсистем: государства, общества и системы здравоохранения. Важность государственной переменной, как и хорошо финансируемой системы здравоохранения, сомнению не подлежит: количество заражений и число летальных исходов было существенно ниже там, где уровень доверия правительству и врачам был высоким. Вместе с тем не менее значимой оказывается и общественная структура. В частности в обществах, где радиус доверия достаточно широк, наличествует социальная сплоченность и распространенное понимание общего блага, уровень потерь от коронавируса оказался существенно ниже. При этом характер политического режима не является определяющей переменной: хорошие результаты продемонстрировали как полуавторитарные общества Сингапура и Гонконга, так и демократические общества Южной Кореи, Швеции или Германии. Отсюда вывод: «Чем выше социальная сплоченность, тем сильнее *доверительное следование*, тем лучше страна переживает кризис»¹⁷.

¹³ Heidenreich Felix. Wie lässt sich Zuversicht zurück gewinnen? Demokratische Zukünfte // Frankfurter Hefte, Ausgabe 6 + 7/2023. 01.07.2023.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Штомпка П. Доверие – основа общества. С. 410.

¹⁶ См.: Фукуяма Ф. Указ. соч.

¹⁷ Глухова А. В. Либеральная демократия versus авторитарный популизм : новые арены соперничества по-

Но культурный фактор не единственный в объяснении кризиса доверия. Огромное значение имеет также продолжительный и укorenившийся общественный строй, годы экономического благосостояния, этническая гомогенность и т. д. Кроме того, бывают исключительные исторические ситуации, которые подрывают доверие: например, радикальные, неожиданные и всеобъемлющие общественные изменения, приводящие к «культурным травмам»¹⁸, симптомами которых становятся апатия, уход из публичной жизни, тоска по старым временам и синдром недоверия. Уничтожению хрупкой ткани доверия также способствуют не только масштабные исторические катаклизмы (подобные войнам или революциям), но и более штатные (будничные) исторические события: политические скандалы, разоблачения коррупции на массовом уровне, экономические аферы, превышение власти (или даже злоупотребление ею), ложь лиц, облеченных особым доверием, и т. д. Доверие легко рушится, когда его подрывают хотя бы один раз; нередко это приводит к моральной панике, чрезмерным обобщениям (типа «все политики – преступники, все судьи – взяточники, все врачи – разгильдяи» и т. д.). Это создает благодатную почву для демагогии и популизма в политике, а также способствует формированию запроса на сильную руку под лозунгом «восстановления права и порядка» или проведения «морально-го оздоровления»¹⁹.

Столь опасное, поскольку повсеместное, изменение общественного климата нуждается в объяснении, и история классической общественной мысли предоставляет различные его варианты. По мнению Ф. Тенниса (автора дихотомии *Gemeinschaft – Gesellschaft*), причиной является распад сообществ, интимных общественных связей, патология семьи. Вслед за Э. Дюркгеймом ответ можно искать в феномене аномии, расшатанности и хаосе моральных правил, норма-

литических систем // Мозаичное поле мировой и российской публичной политики. Политическая наука : ежегодник 2020–2021 / Российская ассоциация политической науки ; [под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. И. Соловьева, А. И. Щербинина]. М. ; Томск, 2021. С. 74.

¹⁸ См.: Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования (СОЦИС). 2001. № 1. С. 11.

¹⁹ Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования (СОЦИС). 2001. № 1. С. 3–12.

тивных указателей, придающих жизни смысл и вырабатывающих чувство порядка и экзистенциальной безопасности. Г. Зиммель указывал на урбанизацию и появление городского стиля жизни; Д. Рисмэн обращал внимание на «одиночество в толпе». Дж. Колеман и Р. Патнам фиксировали ослабление инстинкта самоорганизации, «общественного/социального капитала». Последователи К. Маркса связывают кризис доверия с растущей пропастью между богатством и бедностью как в отдельных странах, так и в международном и межцивилизационном измерении²⁰. Как уже отмечалось, П. Штомпка вместе с международной исследовательской группой в книге «Культурная травма и коллективная идентичность» (2004) развивает категорию «травмы больших перемен».

Самой большой переменной последних десятилетий стала, безусловно, глобализация – «главная объяснительная рамка современной истории» (Р. Дарендорф). Не вдаваясь в теоретические интерпретации этого масштабного процесса, отметим главное: глобализация как преимущественно объективный процесс ослабляет все факторы, способствующие созданию климата доверия в обществе. В частности ослабевает нормативная сплоченность общества, т. е. стабильность, ясность и непротиворечивость норм и ценностей, недвусмысленного определения полномочий и обязанностей, связанных с различными общественными ролями²¹. Следствием

²⁰ По данным Доклада о мировом неравенстве 2022 г., в глобальном масштабе неравенство доходов быстро росло в период с 1820 по 1910 г. с усилением доминирования Запада и колониального правления и оставалось на очень высоком уровне в период с 1910 по 2020 г. В связи с быстрым ростом крупных «развивающихся рынков» разрыв между странами с 1980 г. несколько сократился. Однако за этот же период неравенство внутри отдельных стран значительно возросло. «Эти два эффекта компенсируют друг друга, поэтому глобальное неравенство оставалось высоким в последние десятилетия, – отмечают авторы доклада. – Сегодня 10 % самых богатых людей получают около половины мирового дохода. Неравенство в богатстве значительно превышает неравенство в доходах: 10 % самых богатых жителей мира сейчас владеют примерно тремя четвертями мирового богатства, в то время как 50 % самых бедных не обладают значительным богатством» (*Neef Th., Chancel L. Wie ungleich ist die Welt? Ergebnisse des World Inequality Report 2022 // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2022. № 37/38. S. 29–39.*)

²¹ См.: Штомпка П. Доверие – основа общества. С. 383.

этих процессов становится дестабилизация общественных структур и организаций и связанная с нею девальвация прозрачности общественной жизни (т. е. ее публичности и понятности для всех). Разрушается лежащая в основе социальной сплоченности уверенность в том, что общие правила игры остаются обязательными для всех, а контролирующие и принуждающие к исполнению институции – правосудие, арбитраж, контрольные и выборные органы – сохраняют свою способность к принуждающему исполнению.

Еще одним фактором становится ненадежность получаемой нами информации: она становится упрощенной, манипулятивной, стереотипной, а многообразие различных голосов или мнений порождает чувство неуверенности. На эту проблему неоднократно указывал А. де Токвиль, отмечая значение авторитетов, а конкретно – культурной элиты – в формировании общественного сознания большинства сограждан. «...Люди, живущие в аристократические времена, естественным образом обнаруживают склонность руководствоваться в своих суждениях указаниями ученых людей или же всего образованного класса, одновременно не проявляя расположенности считать безошибочными мнения массы. В века равенства наблюдается как раз обратное. По мере того, как граждане становятся более равными и более похожими друг на друга, склонность каждого из них слепо доверяться конкретному человеку или определенному классу уменьшается. Предрасположенность доверять массе возрастает, и общественное мнение все более и более начинает править миром»²². На этом фоне расцветает феномен «постправды» (постфактичности)²³, обесценивание подлинно экспертного знания, антиинтеллектуализм и попытки свести научное суждение до уровня простого мнения. В результате люди не могут получить объективную оценку происходящего и становятся жертвами обмана. В отдаленной перспективе такие процессы могут привести к тому, что будет совершенно потеряно доверие к истине, с какой бы достоверностью

она не была бы установлена. Говоря словами Х. Арндт, «чувство, посредством которого люди ориентируются в современном мире, будет уничтожено»²⁴.

Отдельным аспектом этой проблемы становится повестка СМИ, особенно телевизионных: она отличается жесткой селекцией, диктуемой правилами рыночной логики. В СМИ преобладает информация о преступлениях, терактах, насилии; мир рисуется в черных красках, доверие к правительству, правоохранительным органам снижается, возрастает запрос на «сильную руку», способную навести порядок. И наоборот, СМИ не проявляют интереса к благородным, порядочным, достойным действиям тех или иных структур или персонажей, поскольку они не вызывают у публики сильных чувств и эмоций.

Третий фактор, подрывающий климат доверия в современных обществах, связан с деятельностью институтов. Формированию и укреплению культуры доверия способствует существование независимых институтов, стоящих на страже общественного порядка: правоохранительных органов, судов, хозяйственных арбитражей. Однако в глобальном пространстве контроль затруднен, и избежать ответственности гораздо проще, особенно если раскрываемость преступных действий невелика. Но если не хватает органов, стоящих на страже порядка, трудно ожидать доверия к государственным институтам.

Иными словами, глобализация разбудила такие механизмы и процессы, которые становятся все менее прозрачными и все более отдаленными. Познавательные возможности основной массы людей, необходимые для оценки глобализационных процессов, оказываются весьма ограниченными: все аспекты нашего окружения подвергаются все более быстрым и беспрецедентным изменениям; глобальность непомерно увеличивает уровень риска, с которым мы встречаемся. В «обществе риска» принципиально изменяется также «профиль риска» (Э. Гидденс) и его качество. Риск нельзя предвидеть (в силу слабых возможностей мониторинга и контроля); он не знает национальных границ и имеет надклассовый характер (т. е. никто не может быть локализован и защищен). Уже этого достаточно для создания атмосферы страха и неуверенности.

²⁴ Арндт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М., 2014. С. 380.

²² Токвиль А. де. Указ. соч. С. 323.

²³ См.: Глухова А. В. Постфактичность как она есть : кто защитит реальность? // Политика постправды в современном мире : материалы Всерос. науч. конф. с международным участием «Политика постправды и популизм в современном мире». СПб., 2017. С. 69–73.

Представленный контекст является крайне неблагоприятным для демократических институтов и для демократии в целом. Как показывают данные социологических исследований, даже в развитых обществах растет разочарование в демократических процессах, снижается уровень доверия к политикам, политическим партиям, представительным органам власти. Гораздо меньше людей сегодня принимают участие в выборах или интересуются парламентским политическим процессом²⁵. «...Молодые люди, по крайней мере многие из них, более цинично относятся к претенциозным заявлениям политиков, – отмечает Э. Гидденс. – Кроме того – и это особенно важно – молодежь больше всего волнуют те вопросы, по которым, по ее мнению, профессиональным политикам практически нечего сказать. Многие рассматривают политику как грязное дело, считают, что лидеры государств руководствуются собственными эгоистическими интересами, а не интересами своих граждан. Наиболее важными вопросами, с точки зрения молодежи, являются экологические проблемы, права человека, политика в отношении семьи и сексуальная свобода. Что же касается экономики, то они не верят в способность политиков справиться с силами, определяющими развитие нашего мира»²⁶. Р. Дарендорф также обращал внимание на притягательность для молодых людей двух стилей жизни, «отличных друг от друга почти во всем, за исключением того, что обоим присуща одержимость, своя форма страсти»²⁷. Одна из них – страсть к деньгам и карьерному росту; другая – страсть к наркотикам и дистанцированию от мира истеблишмента.

Природа доверия в демократиях и автократиях

В своей знаменитой книге П. Штомпка использует важный методологический прием: анализ доверия осуществляется в рамках двух противоположных общественных систем – демократии и автократии – исходя из убежденности в близких и взаимных отношениях меж-

ду доверием и формой общественного строя. По его мнению, доверие в принципе является основой любого политического порядка, но наиболее тесная («интимная») связь возникает между доверием и демократическими институтами, поскольку доверие является необходимым условием как гражданского общества, так и демократического государства, а гражданское общество – это фундамент демократии. «Суммируя всеобщее убеждение, скажем, что доверие является одновременно как плодом демократии, так и фактором, который ее укрепляет»²⁸.

В свою очередь, в автократических режимах (тоталитарных, авторитарных, деспотических) доверие функционирует совершенно иначе. Автократии стремятся к непосредственной институционализации доверия и превращения его в требование, отягощенное серьезными формальными санкциями. П. Штомпка называет два вида адресатов такого вынужденного доверия. Во-первых, монарх, диктатор или харизматический лидер, когда доверие приобретает вид персонализма, приписано к конкретной особе и не может быть поставлено под сомнение – такое доверие является слепым, априорным и игнорирует любые проступки правителя. Другим объектом институционализации доверия выступает вся система автократии: ее принципы не подлежат обсуждению, канонизированы в догматических идеологиях и тракуются как непреложная истина; от подданных требуется полная и безоговорочная поддержка правителей и системы власти. Институционализация доверия происходит путем двойного механизма: 1) посредством политической социализации, индоктринации, цензуры СМИ, блокирования информации извне; 2) через жесткий политический контроль, преследование диссидентской и оппозиционной деятельности и выражения критики и сомнений. Основным принципом власти становится произвол²⁹.

Несмотря на то, что доверие в автократиях институционализировано, оно носит односторонний характер и направлено «вверх», к правительству и режиму, что не сопровождается ответным доверием правящих элит к гражданам, которые находятся под постоянным наблюдением и контролем.

²⁵ См.: Гидденс Э. Указ. соч. С. 85–88; Мунк Я., Фoa P. C. Конец демократического века и глобальный подъем авторитаризма // Неприкосновенный запас. 2018. № 10. С. 132–133.

²⁶ Гидденс Э. Указ. соч. С. 88.

²⁷ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / пер. с нем. М., 2002. С. 244.

²⁸ Штомпка П. Доверие – основа общества. С. 372.

²⁹ См.: Там же. С. 387.

Демократический строй основывает свою позитивную стратегию также на двух механизмах, но совсем иного свойства: для граждан – на принуждении к ответственности, для власти – на самоограничении возможностей действия. Демократия не может дать полных гарантий разумного использования власти, но она в состоянии предохранять от злоупотребления ею. Парадоксом демократии называется то обстоятельство, что доверие здесь возникает благодаря институционализации недоверия к структуре демократической системы. Имеется в виду возможность обоснованной критики, гражданского неповиновения/сопротивления узурпации власти, возможность отзыва представителей, злоупотребляющих доверием и т. д. Той же цели служит цикличность выборов и сроков полномочий; разделение властей, гарантирующее сохранение политического равновесия; ограниченные компетенции институций; соблюдение гражданских прав, свободы слова, самоуправление и т. д. Все эти фундаментальные принципы демократии относятся к структурным, конкретным условиям, благоприятствующим культуре доверия. Они помогают гарантировать нормативную определенность, стабильность общественного порядка, ответственность власти, исполнение обязанностей, а также персональное достоинство и автономию граждан³⁰.

Что же касается эрозии доверия, то она зависит от того способа, которым принципы демократии проводятся в жизнь, от их функционирования в общественной и политической жизни. Для того чтобы создать сильную культуру доверия, необходимо чтобы демократические принципы были определенными, т. е. последовательными, неизменными и повсеместными, а встроенные в них механизмы контроля – использовались бережно, в крайнем случае, т. е. как вид «аварийного решения».

Нарушение демократических принципов – при неэффективности гарантий их соблюдения – является самым подрывным фактором доверия в демократической системе, поскольку в таком случае люди чувствуют себя обманутыми. «Можно с полным основанием утверждать, – пишет П. Штомпка, – что слабость демократии более деструктивна для культуры доверия, чем настоящий автократический режим. Во втором случае люди по крайней мере знают, что мож-

но ожидать, не имеют иллюзий, в то время как в первом обманутые надежды и неисполненные ожидания приводят к еще большему разочарованию»³¹.

Деформация политических институтов как популистский вызов

Этим разочарованием в последнее время весьма успешно пользуются правопопулистские силы, стремительно наращивающие свой удельный вес в публичном пространстве современной политики. Феномен, известный еще с незапамятных времен, в первые два десятилетия XXI в. продвинулся в ряды одного из основных направлений исследовательского мейнстрима, причем как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Воспринятый поначалу как «необходимая коррекция демократии», полезная для ее обновления и усовершенствования³², популизм сегодня все чаще трактуется как вызов демократии, серьезная угроза для нее. Основной вектор этой угрозы направлен как раз на демократические политические институты, которые могут быть разрушены в случае прихода популистов к власти и реализации их нескрываемых намерений.

Можно утверждать, что сегодня есть все основания для тревоги по этому поводу: популистские партии и лидеры пришли к власти и сформировали правительства в целом ряде стран – от Венгрии до Индии, от Турции до Боливии, от Бразилии до США в годы президентства Д. Трампа. Конец 2023 г. ознаменовался успехом правых популистов в Нидерландах и Аргентине: последнюю возглавит в роли президента амбициозный и экстравагантный Хавьер Милей.

Сложился политический портрет популистов у власти: он проявляется в харизматическом лидерстве, сильной политической поляризации, создании патронажных сетей и ослаблении всех институтов, стоящих между популистским руководством и так называемым «истинным народом». Претензии на буквальное воплощение предполагаемой (или сконструированной) воли народа становятся первым шагом на пути к делегитимации любой оппозиции и ядром антиплюрализма – главной отличительной черты популизма.

³¹ Там же. С. 380.

³² Populismus. Gefahr für die Demokratie oder nützliches Korrektiv? Hrsg. von F. Decker. Wiesbaden, 2006. 252 p.

³⁰ См.: Штомпка П. Доверие – основа общества. С. 379.

Как показали последние исследования, посвященные деятельности популистских правительств, наиболее опасным для демократии становится так называемый захват государства, *State Capture*, который затрагивает два ключевых для нее признака: возможность прихода к власти оппозиции и смены правительства; гарантии политических и гражданских прав³³. Посредством инструментализации государственных институтов и ресурсов популистские правительства разрушают нейтралитет государства, а следовательно, и принцип равенства шансов для всех политических сил. Занятие важнейших государственных постов и систематический патронаж последователей деформирует систему сдержек и противовесов и необходимый плюрализм в выработке решений.

Формальной институционализации популистской логики служит «популистский конституционализм», а клиентелизм поощряет приверженцев в целях их лояльности и поддержки. Описанная динамика может быть дополнительно усилена тем, что открыто и наступательно предпринимаются действия против политических оппонентов. Это может осуществляться через механизм «дискриминирующего легализма», обхода промежуточных институтов, в том числе парламента как важного отражения общественных настроений и дискуссионной платформы оппозиции, а также мероприятия против критически настроенных медиа и оппозиционного гражданского общества.

В политической науке в последние два десятилетия противоборствовали две точки зрения: популизм служит обновлению демократии либо неизбежно влечет за собой авторитарную фазу? Сегодня большинство исследователей солидарны в том, что современные демократии все реже подвергаются разрушению через классический путч, но чаще – инструментальными попытками разрушить политическую систему изнутри. «Трудность заключается в том, чтобы вовремя распознать, что процесс начался и что он направлен на упразднение демократии. Этот процесс не может состояться с сегодня на завтра, он представляет собой последовательную цепь событий и мероприятий, которые идут незаметно и не воспринимаются как очевидная демократическая угроза, суть которой в

отказе от проведения демократических выборов и невозможности смены власти законным путем»³⁴. Популисты рассуждают по принципу «мы пришли, чтобы остаться навсегда», но общество должно иметь волю и решимость противостоять этим намерениям. Цена вопроса – сохранение институциональных оснований общественной жизни, а значит – и самой цивилизации.

Библиографический список

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

Вебер М. Власть и политика / [пер. с нем. Б. М. Скуратова, А. Ф. Филиппова; вступ. ст. А. Ф. Филиппова; комм. Т. А. Дмитриева, А. Ф. Филиппова]. М.: РИПОЛ-классик, 2017. 432 с.

Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М.: Весь Мир, 2004. 120 с.

Глухова А. В. Либеральная демократия versus авторитарный популизм: новые арены соперничества политических систем // Мозаичное поле мировой и российской публичной политики. Политическая наука: ежегодник 2020–2021 / Рос. ассоциация политической науки; [под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. И. Соловьева, А. И. Щербинина]. М.; Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. С. 51–77.

Глухова А. В. Популизм как политический феномен: вызов современной демократии // Политические исследования (ПОЛИС). 2017. № 4. С. 49–68.

Глухова А. В. Популистские режимы: политические последствия // Политические исследования (ПОЛИС). 2024. № 1. С. 182–191.

Глухова А. В. Постфактичность как она есть: кто защитит реальность? // Политика постправды в современном мире: материалы Всерос. науч. конф. с международным участием «Политика постправды и популизм в современном мире». СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 69–73.

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 288 с.

Зиммель Г. Человек как враг // Георг Зиммель. Избранное: в 2 т. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 501–508.

Мунк Я., Фoa P. С. Конец демократического века и глобальный подъем авторитаризма // Неприкосновенный запас. 2018. № 10. С. 130–139.

³³ См.: Muno W., Pfeiffer Ch. (Hrsg.). Populismus an der Macht. Strategien und Folgen populistischen Regierungshandelns. Wiesbaden, 2021. P. 322.

³⁴ Глухова А. В. Популистские режимы: политические последствия // Политические исследования (ПОЛИС). 2024. № 1. С. 190.

Satarov G. A. Доверие как объект политической социологии. Часть 1 // Политические исследования (ПОЛИС). 2016. № 1. С. 121–138.

Tocquville A. de. Демократия в Америке / пер. с фр. ; предисл. Гарольда Дж. Ласки. М. : Весь Мир, 2000. 560 с.

Фукуяма Ф. Доверие : социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М. : АСТ ; Ермак, 2004. 730 с.

Штомпка П. Доверие – основа общества. М. : Логос, 2012. 440 с.

Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования (СОЦИС). 2001 № 1. С. 6–16.

Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования (СОЦИС). 2001. С. 3–12.

Heidenreich Felix. Wie lässt sich Zuversicht zurück gewinnen? Demokratische Zukünfte // Frankfurter Hefte, Ausgabe 6 + 7/2023. 01.07.2023.

Muno W., & Pfeiffer Ch. (hrsg.). Populismus an der Macht. Strategien und Folgen populistischen Regierungshandelns. Wiesbaden : Springer, 2021. 347 p.

Populismus. Gefahr für die Demokratie oder nützliches Korrektiv? Hrsg. von F. Decker. Wiesbaden : VS Verlag fuer Sozialwissenschaften, 2006. 252 p.

Neef Th., Chancel L. Wie ungleich ist die Welt? Ergebnisse des World Inequality Report 2022 // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2022. № 37/38. P. 29–39.

References

Beck U. Risk Society. On the way to another modernity / transl. V. Sedelnik and N. Fedorova ; afterword A. Filippova. Moscow : Progress-Tradition, 2000. 384 p.

Weber M. Power and politics / transl. B. M. Skuratova, A. F. Filippova ; entry art. A. F. Filippova ; comm. T. A. Dmitrieva, A. F. Filippova. Moscow : RIPOL classic, 2017. 432 p.

Giddens E. The slipping world : how globalization is changing our lives / transl. from eng. Moscow : Publishing house “Ves Mir”, 2004. 120 p.

Glukhova A. V. Liberal democracy versus authoritarian populism : new arenas of rivalry between political systems // Mosaic field of world and Russian public policy. Political Science : Yearbook 2020–2021 / Russian Association of Political Science : [O. V. Gaman-Golutvina, A. I. Solovyov, A. I. Shcherbinin (eds.)]. Moscow ; Tomsk : Tomsk State University Publishing House, 2021. P. 51–77.

Glukhova A. V. Populism as a political phenomenon : a challenge to modern democracy // Political Studies (POLICY). 2017. No. 4. P. 49–68.

Glukhova A. V. Post-factuality as it is : who will defend reality? // Post-truth politics in the modern world : materials of the All-Russian scientific conference with international participation “Post-truth politics and populism in the modern world”. St. Petersburg : Skifia-print, 2017. P. 69–73.

Glukhova A. V. Populist regimes : political consequences // Political studies (POLICY). 2024. No. 1. P. 182–191.

Dahrendorf R. Modern social conflict. Essay on the politics of freedom / trans. from germ. Moscow : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2002. 288 p.

Simmel G. Man as an enemy // Favorites. Vol. 2. Contemplation of life. Moscow : Lawyer, 1996. P. 501–508.

Munk Y., Foa R. S. The end of the democratic century and the global rise of authoritarianism // Untouched reserve. 2018. No. 10. P. 130–139.

Satarov G. A. Trust as an object of political sociology. Part 1 // Political studies (POLIS). 2016. No. 1. P. 121–138.

Tocquville A. de. Democracy in America / preface Harold J. Lasky ; trans. from fr. Moscow : Publishing house “Ves Mir”, 2000. 560 p.

Fukuyama F. Trust : social virtues and the path to prosperity / trans. from eng. Moscow : ACT Publishing House LLC : NPP Ermak CJSC, 2004. 730, [6] p.

Sztompka P. Trust is the basis of society. Moscow : Logos, 2012. 440 p.

Sztompka P. Social change as trauma (article one) // Sociological Research (SOCIS). 2001 No. 1. P. 6–16.

Sztompka P. Cultural trauma in post-communist society // Sociological Research (SOCIS). 2001. P. 3–12.

Heidenreich F. Wie lässt sich Zuversicht zurück gewinnen? Demokratische Zukünfte // Frankfurter Hefte, Ausgabe 6 + 7/2023.

Muno W., Pfeiffer Ch. (hrsg.). Populismus an der Macht. Strategien und Folgen populistischen Regierungshandelns. Wiesbaden : Springer, 2021. 347 p.

Populismus. Gefahr für die Demokratie oder nützliches Korrektiv? Hrsg. von F. Decker. Wiesbaden : VS Verlag fuer Sozialwissenschaften, 2006. 252 p.

Neef Th., Chancel L. Wie ungleich ist die Welt? Ergebnisse des World Inequality Report 2022 // Aus Politik und Zeitgeschichte. No. 37/38. P. 29–39.

Воронежский государственный университет
Глухова А. В., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии

E-mail: soc@hist.vsu.ru

Поступила в редакцию: 29.01.2024

Для цитирования:

Глухова А. В. Дефицит доверия как фактор институциональной деформации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (57). С. 325–335. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/2/325-335>.

Voronezh State University
Glukhova A. V., Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Sociology and Political Science Department

E-mail: soc@hist.vsu.ru

Received: 29.01.2024

For citation:

Glukhova A. V. Trust declining as an institutional deformation factor // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 2 (57). P. 325–335. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/2/325-335>.